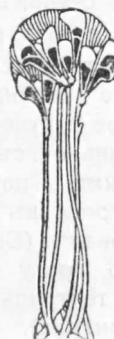
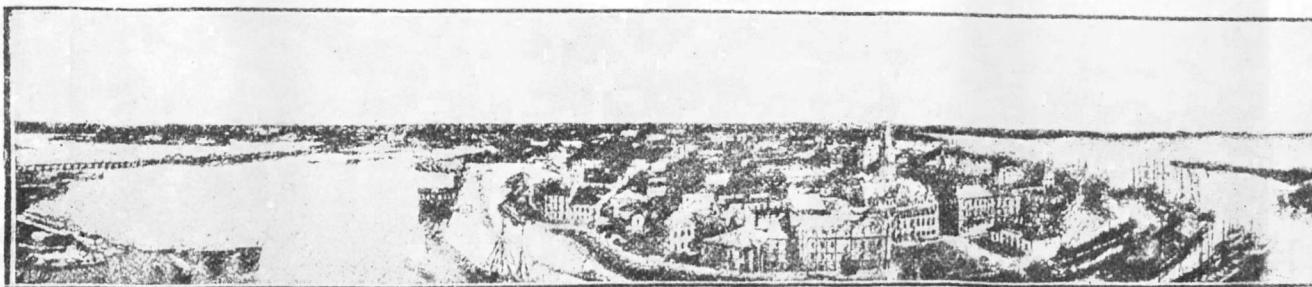
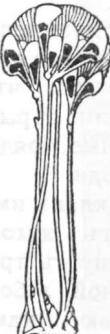

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 20-го Июня 1910 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10019.

Къ 200 лѣтію покоренія Выборга.

Выборгъ въ настоящее время.

ПЯТЬ АКТОВЪ.

(Carte postale).

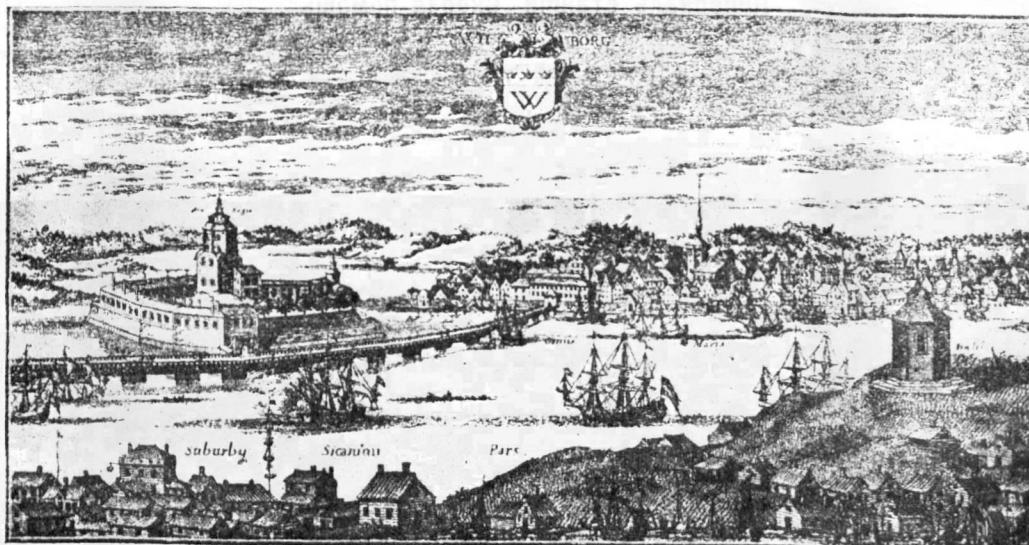
Ей-Богу же, его исторію стоитъ разсказать.

Во первыхъ, сама по себѣ она наивна, забавна и понятна всякому, даже неграмотному человѣку; во-вторыхъ, кончается благополучно, слѣдовательно, ее пріятно читать послѣ обѣда и, наконецъ, въ третьихъ, мнѣ все равно нужно писать о чёмъ-нибудь.

Если вы думаете, что мой герой былъ баринъ, носилъ перчатки и цилиндръ,—вы жестоко ошибаетесь. Онъ служилъ швейцаромъ въ частномъ домѣ и на хозяина не походилъ ни чуточку, смѣю васъ увѣрить. Былъ-ли онъ красивъ? О, не совсѣмъ... впрочемъ, зависить отъ вкуса. Глаза голубые, отнюдь не демоническіе, а ясные и спокойные. Носъ шире, чѣмъ полагается, руки крупнѣе, чѣмъ нужно, и ростъ излишне высокій. Ко всему этому ни малѣйшей тѣни трагизма. Ничего такого, что бы заставляло подозрѣвать о сложномъ, духовномъ мірѣ. Смѣялся онъ часто. Любилъ барабану, картофель и селедку. Затрагивалъ горничныхъ отнюдь не платонически. На чаи получалъ съ удовольствіемъ. Имя носилъ простѣйшее—Яковъ.

Словомъ, швейцарь, какъ всѣ швейцары, только изъ добродушныхъ и молодыхъ.

Не знаю, какимъ образомъ добрѣйший профессоръ Х. разговорился съ Яковомъ. Не знаю, почему не побрезговалъ заглянуть въ его каморку безъ окна. Не знаю, что побудило его унести старыя, засаленныя рукописи Якова. Еще меньше знаю, какимъ чудомъ профессоръ рѣшилъ, будто-бы передъ нимъ талантъ-самородокъ. Но мнѣ извѣстно достовѣрно и полностью, что Яковъ бросилъ мѣсто швейцара, купилъ черную пару и пустился мытарствовать по-редакціямъ.

Выборгъ въ 1600 году.

Со старой гравюры.

Яковъ сталъ литераторомъ.

Случилось это такъ же быстро, просто и естественно, какъ весна смѣняется лѣтомъ, лѣто осенью. Въ домѣ, гдѣ служилъ раньше Яковъ, его забыли, родной городъ надъ нимъ издѣвался и сулилъ ему всяческія невзгоды, въ столицѣ же, куда онъ поѣхалъ, ему шумно и восторженно заапплодировали.

Первое дѣйствіе, господа. Краткое и въ темпѣ allegro.

Извѣстно, что одежда, деньги, положеніе мѣняютъ человѣка. Измѣнился и Яковъ. Его движенія пріобрѣли гибкость, увѣренность, почти изящество. Его глаза загорѣлись совсѣмъ инымъ, вдумчивымъ, теплымъ огонькомъ. Онъ любилъ искусство пылко и фанатично.

Рѣдкіе мужья такъ любятъ своихъ женъ и рѣдкіе братья—сестры. То, о чёмъ очѣнь писаль, было нѣжно, чисто, наивно. По его мнѣнію, всѣ женщины были не больше не менѣе какъ ангелы, мужчины—благороднѣйшіе рыцари, а дѣти—благословеніе Божіе. Никто не вѣрилъ ему, но всякий оставался растроганнымъ и думалъ:—„А почему-бы этому не случиться? Все возможно... Какъ юно, какъ свѣжо“.

Имъ восхищались. Его превозносили до небесъ, читали нарасхватъ. У него

не было враговъ. Друзья поклялись защищать его славу. Онъ не имѣлъ ни одного кредитора, слѣдовательно, никогда не получалъ непріятныхъ писемъ. Онъ не женился по той причинѣ что его всегда любили нѣсколько женщинъ заразъ, и онъ не зналъ, на какой изъ нихъ остановиться. Онъ не страдалъ никакими болѣзнями.

Онъ былъ счастливъ.

Какъ видите, второе дѣйствіе прошло блестяще.

Выскажу старую, какъ ложь, истину: есть дни, въ которые мы перерождаемся, словно протекли годы. Приходить часы, когда мы видимъ, находимъ въ своей душѣ то, что не замѣчали всю жизнь. Это испыталъ Яковъ. Его талантъ выросъ. Требованія расширились. Онъ глядѣлъ съ высоты на землю и видѣлъ невидимое. Онъ позналъ глубины человѣческой психологіи. Онъ съ ужасомъ и отвращенiemъ швырнулъ ветошку пошлости, создалъ новое. Самъ онъ уже былъ инымъ—мудрымъ и усталымъ, прошедшемъ всѣ этапы жизненныхъ ощущеній, желаній, стремленій. Онъ удалился въ лазурную даль творчества и вздигъ этимъ каменнуя стѣну между собою и людьми. Онъ написалъ много глубокихъ, дивныхъ, прекрасныхъ книгъ.

И книги его никѣмъ не понимались. Никого не интересовали. Никому не нравились.

Избранные не въ счетъ. Ихъ было такъ мало!...

Редакторы пожимали плечами, читатели зѣвали, издатели терпѣли крахи, а colleg'и язвительно улыбались:—„Мы это предвидѣли. Онъ исписался, бѣдняга“.

Слава потускнѣла, словно задернулась кисеей, какъ гравюры лѣтомъ отъ мухъ.

Друзья назойливо лѣзли съ соболѣзнованіями и совѣтами, глупѣйшими и оскорбительными. Незамѣтно появились врачи.

Еще быстрѣе на-
росили кредито-
ры. Всѣ женщи-
ны покинули его,
такъ какъ онъ
уже не могъ на-
ряжать ихъ.
Пришла нужда,
мило улыбнулась
и осталась го-
стить. Сѣдое оди-
ночество глухо
кашляло у него
за столомъ.

Это было
третье дѣйствіе
его жизни—са-
мое тягучее, пе-
чальное, съ длин-
ными паузами,
игрою въ полу-
тонахъ. (Безбож-
но краду слова
театрального
критика).

Съ легкимъ
сердцемъ, госпо-
да, разскажу о
четвертомъ. Тамъ
снова все благо-
олучно.

Персоналъ станціи „Скорая помощь“.

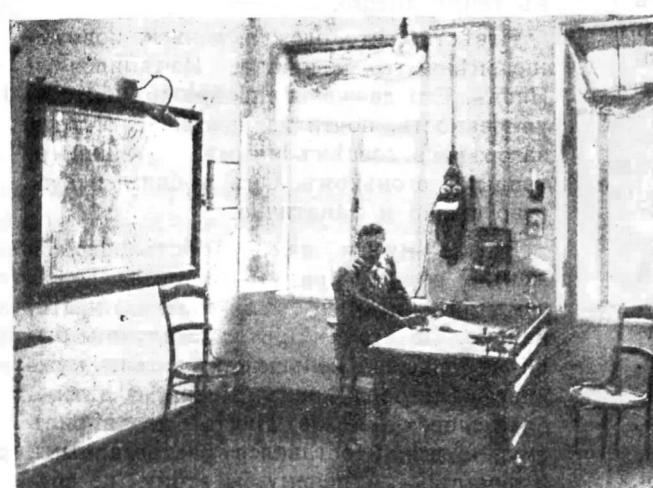
Сидятъ дежурные врачи: К. В. Зайлатынскій, Н. П. Юрченко, Н. А. Молоховъ (завѣдывающій станціей)
Б. В. Фавръ и И. С. Кисяченко. Стоять сзади кучера и санитары.

Карета, готовая къ выѣзду.

Пріемъ тяжело больного черезъ боковыя двери.

Дежурный въ приемной станціи „Скорая помощь“.

Обычный входъ въ карету.
Снимки фотографіи „Южн. Кр.“

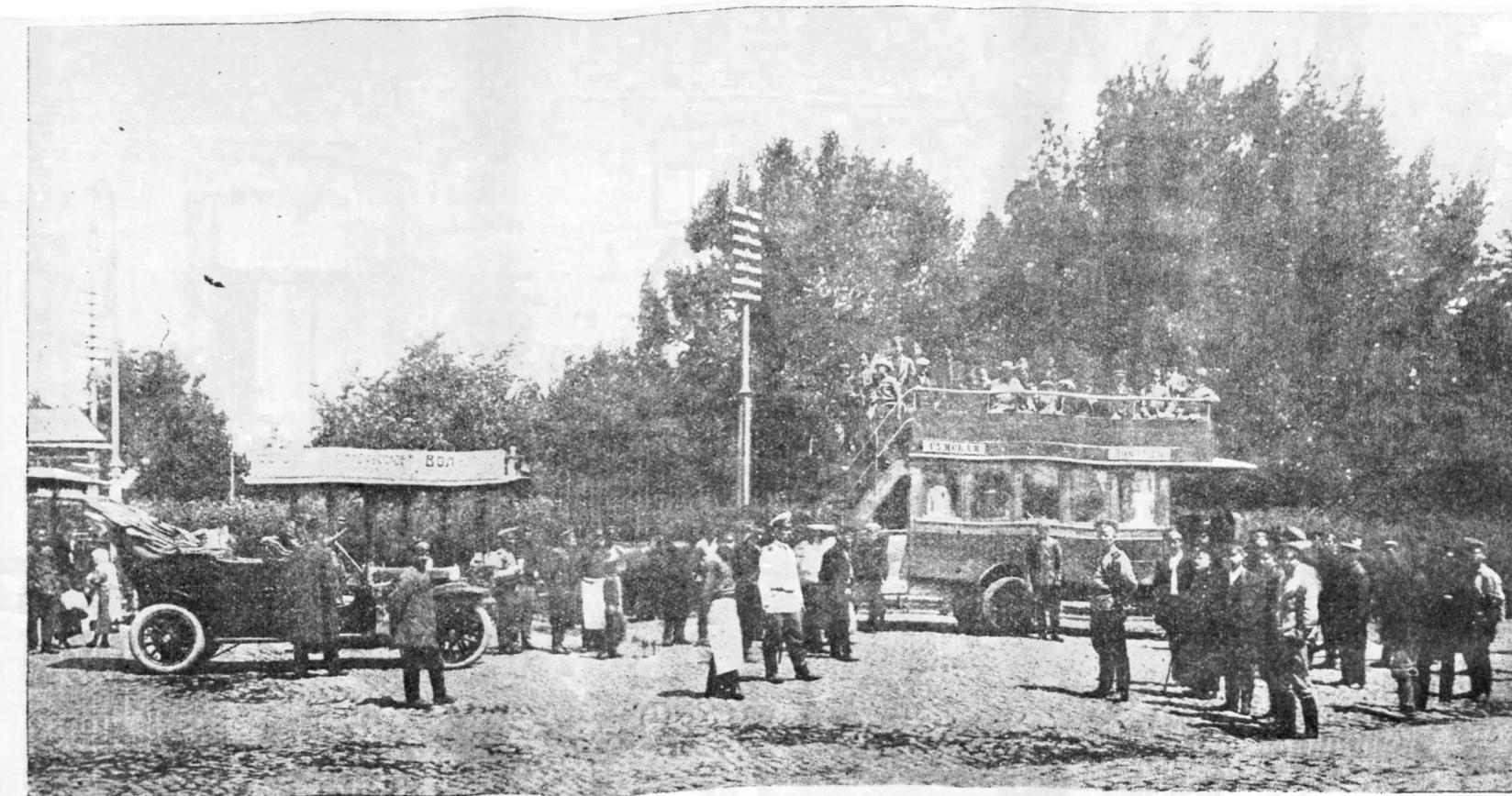
Возмущенный,
озлобленный, за-
травленный, онъ,
наконецъ, уступи-
лъ.

Онъ прислу-
шался къ говору
толпы и выудилъ
легко, тонко, ост-
роумно то, что
было теперь ея
настроеніемъ,
симпатіей, инте-
ресами.

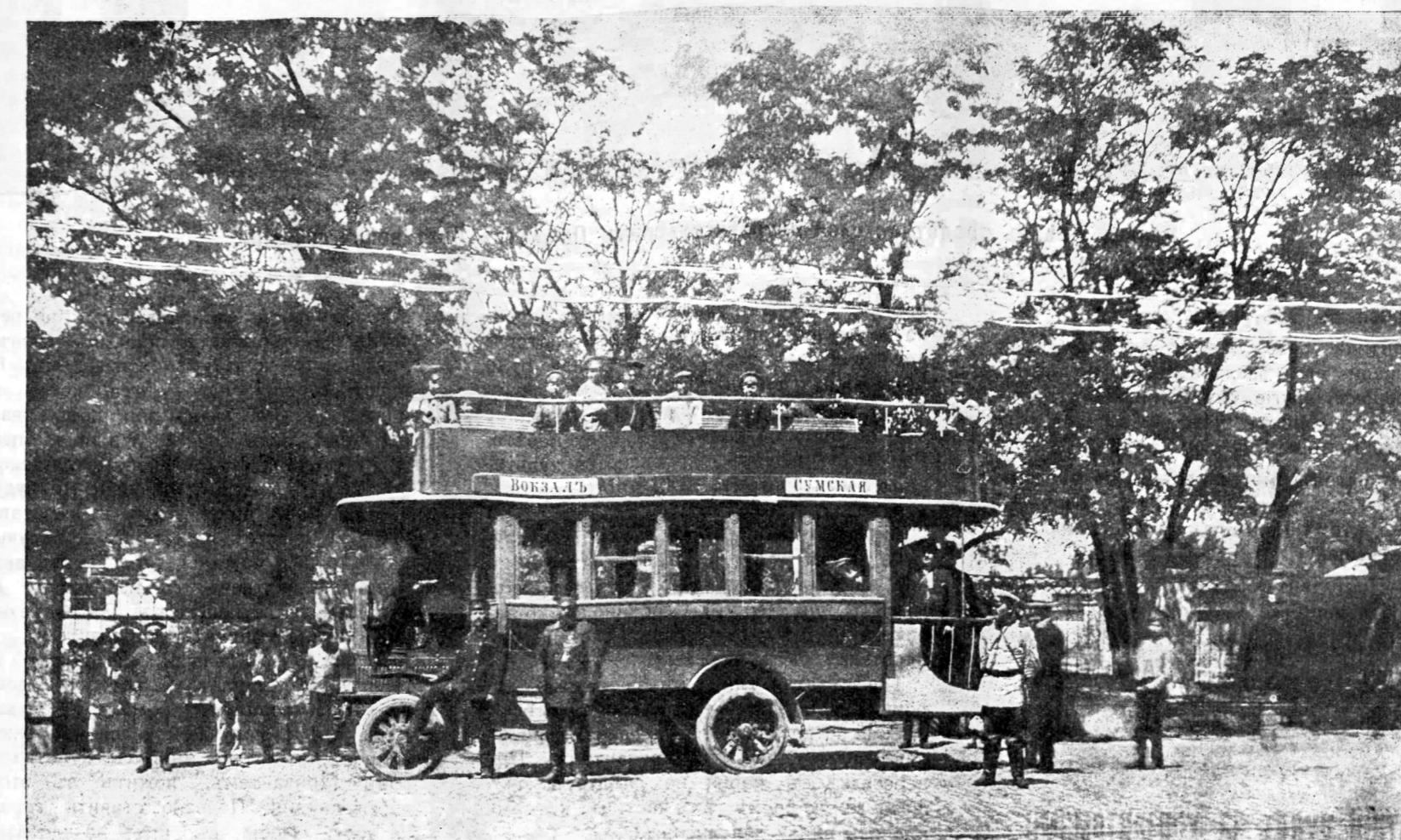
Онъ снизошелъ
до нея и писалъ
только то, что
понимали сѣрые,
бездарные, рядо-
вые люди.

Онъ клалъ имъ
въ ротъ духов-
ную пищу съ тро-
гательной забот-
ливостью, какъ
ребенку.

Для него не су-
ществовало ни-
чего, кроме рукоп-
лесканій черни
и крупныхъ го-
нораровъ.

Харьковскій автобусъ на Привокзальной площиади.

Харьковскій автобусъ у сада Ветеринарного института.

Снимки фотографіи „Южн. Кр.“

Его печатаютъ* (важно). О немъ снова
говорятъ (еще важнѣе). Ему платить щед-
ро (самое важное). Онъ вернулъ все, что
потерялъ, съ завидной легкостью, шутя,
играя.

Казалось, не было 3-го дѣйствія, а
только сонъ или поэтическая вольность
его автобіографа.

Онъ могъ бы пожаловаться на глубочай-
шее самопреизрѣніе, но только въ томъ
случаѣ, если бы умѣли читать чужія мыс-
ли. Онъ же зналъ хорошо, что всякий

человѣкъ для другого—заколоченный
гробъ, слѣдовательно, ему незачѣмъ бы-
ло говорить о своихъ мухахъ.

Медленной, тяжелой стопой подошелъ
онъ къ пятому акту.

До поднятія занавѣса онъ усердно по-
вторялъ роль. Забывалъ ее. Надѣлся на
сулфера.

Вышелъ неувѣреннымъ (все это вздоръ,
я говорю иносказательно, такъ какъ
труднѣе выражать мысль трезвыми сло-
вами). Дѣло очень просто. Его талантъ—

изнасилованный и оскверненный толпою,
умеръ. Походило на то, какъ если-бы
никогда не былъ талантъ, а добрѣй-
шій профессоръ Х. ошибался. Жила ма-
шинка, выступающая ерундой, и жило
имя, о которомъ теперь говорили не-
брежно:

— Въ свое время нравился.

Читатели слишкомъ понимали его и не
уважали. Коллеги, угадывая тайную под-
кладку и подражая ему, старались увѣ-
ритъ всѣхъ, что на него не похожи.

Первый съездъ представителей потребительскихъ Обществъ Полтавской губерніи.

(Съ фотографії М. Фриденталя, въ Полтавѣ).

Наконецъ, онъ умеръ.

Критика разошлась во мнѣніи. Иные называли его бездарностью, пошлымъ фразеромъ, другіе скорбѣли объ утратѣ. Въ концѣ концовъ, каждый остался при своемъ мнѣніи.

Литераторъ мирно спалъ на кладбищѣ. Его роскошный памятникъ говорилъ тѣмъ, кто понимаетъ нѣмая рѣчи нѣмыхъ вещей:

— Поступайте, какъ я.

И большинство поступаетъ, какъ онъ. Finis.

Анна Маръ.

Лѣтній уходъ за хризантемами.

Во время своего развитія лѣтомъ хризантемы должны быть выставлены на свѣтлое солнечное мѣсто и имѣть возможно больше воздуха, но не вѣтра. Почва въ ихъ горшкахъ должна быть постоянно влажною—иначе сейчасъ же отсохнутъ листья въ нижнихъ частяхъ стебля, и растенія примутъ некрасивый видъ.

Теперь наступаетъ время для пересадки растеній въ горшки тѣхъ размѣровъ, въ которыхъ они должны оставаться до цвѣтенія. Весною они должны были быть дважды пересажены. Все вниманіе садовода было тогда устремлено на развитіе

корней. Верхушки укоренившагося черенка тогда прощипывались, и это повторялось еще разъ, если черенокъ далъ мало вѣтвей. Иначе они вытянулись бы черезчуръ сильно. Теперь, напротивъ, все вниманіе должно быть обращено на силу побѣга. Размѣръ горшковъ опредѣляется культивируемымъ сортомъ. Есть много сортовъ, для которыхъ достаточно велики и 6-ти дюймовые горшки, тогда какъ для другихъ малы 7, 8 и даже девятидюймовые, какъ, напр., для такихъ сортовъ, какъ: Monarch или Henry II. Особенно важно наблюдать, чтобы комъ земли у растенія при пересадкѣ былъ влажный.

Торфянистая глина съ $\frac{1}{4}$ частью хорошо перепрѣлаго навоза и примѣсью угля и песка считается англичанами за наилучшую почву для хризантемъ. При пересадкѣ съ корня не слѣдуетъ очищать землю кромѣ тѣхъ частицъ, которыя клались внизу для дренажа.

Въ новый горшокъ присыпаютъ сверху вокругъ стебля лишь немного рыхлой земли, а снизу кладутъ для стока небольшой кусочекъ торфа. Стебель растенія долженъ находиться посрединѣ горшка, надъ старымъ комомъ долженъ быть на 1 дюймъ слой новой земли, но уровень послѣдней долженъ быть въ свою очередь на дюймъ ниже края горшка, дабы могла быть достаточная поливка.

Послѣ пересадки земля должна быть плотно придавлена, иначе при поливкѣ вода будетъ протекать черезъ нее, не увлажняя кома внутри. Эта чрезмѣрная

рыхлость вновь прибавленной при пересадкѣ земли бываетъ причиною многихъ неудачъ при культурѣ хризантемъ. Поливать горшки надо тогда, когда они издаются глухой звукъ при постукиваніи о стѣнки. Если сейчасъ же послѣ пересадки поливать хризантемы слишкомъ обильно—молодые корешки не будутъ проникать въ новую почву въ достаточномъ количествѣ, и растеніе, не получивъ надлежащаго питанія, не дастъ внизу крупныхъ листьевъ, что необходимо для хорошей высоты цветковъ. Въ солнечные дни нужно поливать хризантемы по меньшей мѣрѣ дважды, не считая обрызгиванія листвы, которое должно производиться возможно чаще. Весь успѣхъ полученія красивыхъ экземпляровъ, по мнѣнію многихъ культиваторовъ хризантемъ, лежитъ въ этомъ обрызгиваніи. Полезно ставить горшки на золу, чтобы въ нихъ не заползали черви. Нѣкоторые садоводы зарываютъ ихъ въ золу на $\frac{3}{4}$, другіе ограничиваются зарытьемъ ихъ въ землю. Жидкимъ удобрениемъ слѣдуетъ поливать хризантемы лишь тогда, когда почва будетъ вполнѣ пронизана корнями. Каждый климатъ имѣетъ свой особенно хорошо удающійся сортъ хризантемъ. У насъ въ Харьковѣ, какъ извѣстно, лучшая хризантемы выводитъ К. К. Кирстенъ. Наиболѣе удачные результаты были получены съ сортами Henry II, Prince de Monaco, Duckham Rayonante и Lincochi.

